



Олег Рычков

грань полынь и папоротник

<https://litres.ru/74545552>

SelfPub; 2026

Аннотация

Июль плавит трассы. Птицы замолкают. Сквозняк — разрыв между миром живых и миром мёртвых — сочится сквозь старую печать, и славянские боги просыпаются в бетонных коробках и выжженных полях.

Брат и сестра Фонвизины — дети охотников, которые запечатали этот разрыв ценой собственных жизней. Максим носит в мёртвой левой руке холод Нави. Наталья — терновник богини смерти, проросший в позвоночник. Они едут на юг, по белым знакам, которые оставляет Белобог — бог, который ведёт, но не спасает. Едут закрывать дверь, за которой просыпается Чернобог.

Но каждая победа берёт. Каждая печать требует жертвы. И к финалу они поймут: их использовали с самого начала.

Олег Рычков

грань полынь и папоротник

Грань

Полынь и Папоротник

Глава 1. За серой чертой

Июль плавил асфальт федеральных трасс где-то там, за кромкой леса. Здесь, в мёртвом осиннике Архангельской области, жара была другой — глухой, спёртой, пахнувшей сладковатой прелью и озоном. Птицы не пели третий месяц. С тех пор как Сквозняк начал сочиться сквозь старую печать родителей, лес оглох. Удар молотка по колышку палатки тонул в нём без эха — сухой, ватный шлепок, словно били по туго натянутой коже.

Воздух оседал на языке металлом, забивался в лёгкие, не принося облегчения. Мошка не летала. Комары не звенели. Только редкие, серые от пыли листья осин шевелились без ветра, словно по ним ползали невидимые насекомые. Лес был мёртв. Но не пуст. Что-то жило в этой тишине. Что-то, что не издавало звуков.

Максим выдохнул сквозь зубы и перехватил топор правой. Левая висела вдоль тела мёртвым грузом. Стеклянная плеть. Коготь Ичетика распорол плоть ещё в декабре, в тоннелях под Москвой, но рана так и не закрылась. Чёрная кор-

ка Нави расползлась от запястья к локтю, превратив руку в идеальный антрацитовый протез. Она не болела. В этом и был главный ужас — она ничего не чувствовала. Ни холода, ни тепла, ни влаги. Только вес. Тяжёлый, как могильная плита, привязанная к плечу.

Макс занёс топор, рассчитывая инерцию живой руки. Промахнулся. Лезвие ушло в землю рядом со стволом — глухо, без звона. Он всё ещё не научился бить одной правой. Отшатнулся, выпуская рукоять. Пальцы правой мелко дрожали. Он сжал их в кулак, пока не хрустнуло.

— Ты ломаешь геометрию пространства, — тихо сказала Наталья, не оборачиваясь.

Она сидела на корточках у импровизированного очага, выложенного белым камнем. Огонь здесь горел синим, почти не давая тепла, зато выжигал кислород с пугающей эффективностью. Каждое полено, брошенное в костёр, сгорало за минуты, превращаясь в пепел цвета кости. Наталья подбрасывала щепки методично, как часовой механизм, не давая пламени угаснуть. Ей казалось, что если огонь погаснет, то тьма, стоящая за спиной, сомкнётся вокруг них, и они исчезнут. Не умрут. Именно исчезнут. Как исчезали звуки в этом лесу.

На шее сестры, чуть ниже линии коротко стриженных волос, бугрился терновник. Метка Мары проросла прямо в позвоночник после битвы с ней. Чёрные, похожие на запёкшуюся кровь шипы пульсировали в такт сердцу. Не голосом.

Весом. Словно кто-то ледяной и огромный положил подбородок ей на плечо и дышит холодом в самое ухо.

Каждый вдох давался с трудом. Воротник брезентовой куртки натёр ключицу до живого мяса, но она боялась его опустить. Если выпустить терновник наружу, Максим увидит, насколько далеко всё зашло. Увидит, что метка уже не просто растёт — она двигается. Шипы под кожей медленно, миллиметр за миллиметром, продвигались вверх, к основанию черепа. Ещё немного, и они коснутся мозга.

Она не сказала ему. Не могла. Он и так держался на честном слове. Его рациональный ум практика ещё пытался найти объяснение всему, что происходило. Если он узнает, что метка и форт связаны — что оба голодны, что оба берут, — он сломается. Она не могла допустить, чтобы он сломался. Не сейчас.

— Ты слышишь? — спросила она, не поворачивая головы.

— Тишину, — отозвался Максим, вытирая лезвие топора о штанину.

— Нет. Не тишину. Что-то под ней. Как будто кто-то дышит. Очень медленно. Очень глубоко. И ждёт.

Максим прислушался. Ничего. Только собственное сердце, стучащее в ушах. Только кровь, шумящая в висках. Он посмотрел на сестру. Её спина была прямой, как натянутая струна. Плечи напряжены. Она что-то чувствовала. Что-то, чего он не мог уловить. Метка давала ей связь с тем, чего не должно существовать. И это пугало больше, чем тишина.

Они строили форт невидимости. Не магический купол — такую роскошь дети охотников позволить себе не могли. Это была работа с физикой отчаяния. Аркадий Фонвизин называл это «ценой тишины». Чтобы духи Нави, текущие сквозь рвущуюся печать Белобога, игнорировали этот овраг, место должно было стать статистической ошибкой. Нулём. Местом, которого нет. Не скрытым. Не защищённым. Именно несуществующим.

— Для них здесь просто овраг, — повторил Максим слова отца, затягивая последний узел на растяжке брезента одной рукой. — Пустой. Сухой. Безвкусный. Мы выкачали отсюда всю память. Он говорил о цене. За три дня обустройства заимки они заплатили сполна. Вчера Макс сжёг в синем пламени игровую приставку — подарок отца на десятилетие. Тёплое воспоминание превратилось в пепел, и марево над поляной на час стало ровным. Сегодня очередь дошла до матери.

Наталья достала из внутреннего кармана серебряную ложку — ту самую, которой Елена когда-то кормила их жидкой кашей во время гриппа. Последнее тёплое воспоминание, которое ещё оставалось у неё в руках. Ложка легла точно в центр кострища. Металл мгновенно почернел, пошёл радужными пятнами побежалости и рассыпался в пыль. Воздух вокруг форта дрогнул, искажая перспективу. Теперь любой прохожий увидит лишь заросший крапивой склон да пару гнилых пней. Духи пройдут мимо. Им нечего делать там, где даже прошлое продано за право дышать.

Наталья смотрела на пустое место, где только что лежала ложка. Внутри что-то сжалось. Она знала: это не просто жертва. Это первый шаг. Форт берёт память. Форт берёт тепло. Форт берёт всё, что делает их людьми. И однажды он потребует больше, чем они готовы отдать. Может быть, уже требует. Она чувствовала, как метка дёргается в такт пульсации форта. Два голода. Один брал прошлое, чтобы мир не заметил разрыва. Другая брала будущее, чтобы проснуться. Наталья стояла между ними. Она не сказала об этом Максиму. Он и так держался на честном слове. Его рациональный ум практика ещё пытался найти объяснение всему, что происходило. Если он узнает, что форт и метка связаны, он сломаётся.

— Мама... — тихо произнесла Наталья. — Она бы не одобрила. Всё это. То, что мы делаем. То, чем мы стали.

— Мама мертва уже наполовину, — отрезал Максим, и сам вздрогнул от своих слов. — Прости. Я не то хотел сказать.

— То. Именно то. Она в коме. Она не с нами. И мы жжём её память, чтобы спрятаться от монстров. Какая ирония. Мы охотники, которые стали жертвой.

Максим ничего не ответил. Он смотрел на синее пламя. Где-то в Москве, в палате номер восемь, мать лежала под аппаратами, которые они оплачивали продажей отцовских схронов. Он помнил её руки. Тёплые. Сухие. Как она сжимала его плечо, когда он уходил на охоту. Помнил интона-

цию. Мягкую. Усталую. А слов — нет. Как будто голос стёрли. Оставили только форму.

Пискнула рация. Старый Kenwood, переделанный отцом под частоты, которых не существовало. Звук шёл не из динамика, а изнутри корпуса, вибрируя в зубных нервах. Максим напрягся. Рация молчала восемь месяцев — с того дня, как кома забрала Елену. Наталья медленно поднялась. Терновник шевельнулся, выпуская каплю тёмной смолы. Из щели динамика выполз конверт. Жёлтый от времени. Упал на угли синего костра. Бумага должна была вспыхнуть за секунду. Конверт лежал на жару, не загораясь, и оставался прохладным. Максим выставил вперёд стеклянную руку. Чёрный коготь коснулся края, и тот покрылся изморозью.

Руки Макса — живая, потная правая и мёртвая, сухая левая — разорвали бумагу. Внутри лежал тетрадный лист, сложенный вдвое. Ровные строчки. Синяя паста. Почерк похож Андрея — та же форма букв, тот же нажим. Но строки шли идеально ровно. Без наклона. Андрей всегда заваливал строку вправо, на десять градусов. Этот почерк был как Андреевский, но выпрямленный. Вычищенный. Словно кто-то видел, как друг пишет, но не понял, что рука у него живая.

«Друзья. Печать слабеет. То, что текло ручьём, собирается в реку. Я больше не могу держать камень. Заберите дневник из тайника под четвёртой сваей старой бани. Вам нужно ехать на юг. Марийские капища. Нижняя городская область. Там пробуждается корень. Белобог оставляет зна-

ки. Круг с пустотой внутри. Идите на него». Наталья прочитала через плечо брата. Друг детства. Андрей. Тот, кто пропал без вести три года назад. Тот, чьё тело так и не нашли. Она ничего не сказала. Только метка дёрнулась, выпуская каплю смолы.

Макс дочитал дважды. Кадык дёрнулся. Он смял бумагу в кулаке, не замечая, как грани чёрного стекла впиваются в ладонь.

— Нет, — голос хриплый, чужой. — Это подделка. Почерк Андрея, но выпрямленный. Вычищенный. Друг так не писал. Это... — он запнулся. — Кто-то другой. Кто-то, кто видел его почерк, но не видел, как он пишет.

Он швырнул лист в огонь. Бумага упала на угли и покрылась льдом, гася пламя. Письмо не сгорело. Лежало среди чёрных углей — белое, нетронутое. Максим отвернулся. Не стал забирать. Наталья не смотрела на письмо. Она смотрела на свои руки. Метка на шее дёрнулась — не как обычно, не в такт сердцу. Иначе. Глубже. Словно внутри позвоночника провернули ключ. Она знала этот почерк. Не буквы. Вес. Давление. Так давит на затылок чужая ладонь, когда стоишь спиной к тому, кто сильнее. Она не сказала Максиму. Не могла объяснить. Но где-то на дне метки, в самой её глубине, что-то узнало это письмо. И это «что-то» не испугалось. Оно обрадовалось.

— Это Андрей, — голос Натальи стал плоским. Боль от метки отступила, сменившись пустотой. — Он никогда бы не

написал про капища просто так. Марийцы держали границу земли и подземелья. Если там просыпается корень, значит, дно проваливается.

— Мать умирает в больнице! — рявкнул Максим. — Какие капища? Мать лежит под аппаратами, которые мы оплачиваем продажей отцовских схронов! Я не пойду никуда, пока она...

Слова застряли в горле. Наталья стояла неподвижно. Зрачки расширились, проглотив радужку. Взгляд стал чёрным, древним. Терновник на шее набух, готовясь лопнуть.

— Маме плохо, — тихо сказала Наталья. Голос дрогнул. — Метка... чувствует.

Она не сказала, что именно. Не сказала, что некроз пошёл в кровь. Не сказала, что врачи уже не говорят «стабильно». Метка не говорила голосом — она говорила весом. Словно кто-то ледяной положил ладонь на затылок и медленно сжал пальцы. Мама уходила. Не телом — телом она ещё была там, под капельницами. Уходило что-то другое. То, что делало её мамой. Наталья смотрела на синее пламя и молчала.

— Сколько? — выдавил Максим.

Наталья не ответила. Только сжала пальцы, и терновник дёрнулся, выпуская каплю смолы. Она лгала. Не про холод — про то, что не знает. Она знала: мать умирает. Если Максим узнает, он останется. Будет сидеть у аппаратов, держать её за руку, пока Сквозняк не сожрёт их всех. А письмо говорило о другом — где-то на юге просыпается нечто, что убьёт мать

быстрее, чем некроз. Если они не остановят это, мир рухнет, и тогда уже никто не дожждётся.

Наталья приняла решение. Она скажет полуправду. Достаточно, чтобы он поехал. Недостаточно, чтобы он знал, что теряет мать навсегда.

— Мы поедем, — сказал Максим. — Но сначала заедем в Выксу. Там схрон отца. Возьмём снаряжение. Потом — капища. Потом — Москва. Мать дожждётся.

Наталья кивнула. Она не сказала, что матери может не хватить времени. Она просто кивнула. Перед глазами стоял круг. Белый. Идеально ровный. С пустотой внутри. Она не видела его — не было ни знака, ни рисунка. Но она знала, как он выглядит. Метка знала. И это знание было хуже любой картинки. Потому что круг не звал. Не угрожал. Он просто был. Как дверь, которую открыли заранее. Как место, которое оставили для тебя. Как яма, выкопанная точно по твоему размеру.

Форт больше не хотел отпускать бесплатно. Воздух затрещал по швам. Невидимость требовала подпитки. Земля пошла трещинами, потянуло формалином и мокрым железом. Максим понял раньше, чем услышал треск. Они заберут то, что осталось. Не тело. Тело матери было в Москве, под аппаратами. Но память. Форт хотел её всю.

Он бросился к землянке. Правой рукой распахнул плащ-палатку. Внутри пусто. Ни какого цинка. Только спальник, рюкзаки, оружие. И на полу, примерзнув к пластине, — ста-

рая армейская фляжка отца, которую Елена всегда брала на выезды. От неё веяло таким морозом, что у Макса заледенели ресницы. Форт забрал не тело. Забрал тепло. А фляжку не взял. Не смог. Слишком холодная. Слишком мёртвая. Даже для него. Это не символ. Это аномалия. И это страшнее.

Когда он вышел, Наталья уже собирала рюкзак. Она не спросила, что он видел. Не спросила, почему заледенели ресницы. Просто застегнула клапан. В её глазах стояла та же бездна, что у матери перед приступом. Но на дне тлел огонь.

— Мы выдвигаемся, — сказала она. — До марийских капищ двести километров по прямой. Через Выксу. Метка дёргается, когда я думаю об этом. Сильнее, чем обычно.

— Метка? — Максим сжал фляжку. Металл обжёг холодом. — Ты понимаешь, что мы едем не спасать мир. Мы едем спасать мать.

Наталья не ответила. Она знала что-то, чего не знал он. И это знание жгло её изнутри.

Максим подошёл к пикапу Sollers ST8. Машина выглядела заброшенной — пыль, присохшие листья, перекошенный бампер. Но двигатель завёлся с пол-оборота. Максим сел за руль. Левая рука легла на обод. Стекло ладони идеально совпало с пластиком. Ему больше не нужно было чувствовать сцепление. Механическая точность чёрного льда заменила нервы.

Наталья забросила рюкзак в кузов, села рядом. Расстегнула верхнюю пуговицу куртки. Терновник пульсировал так сильно, что кадык ходил ходуном. Боль возвращалась, умноженная на два. Цена пропуска оплачена. Форт забрал память. Мать стала дальше. Тише. Но тело... тело ещё дышало. Где-то в Москве. Подключённое к аппаратам. И Наталья знала: они могут не успеть. Но она не могла сказать это брату. Не сейчас. Может быть, никогда.

Максим выжал сцепление. Пикап тронулся. Лес расступался нехотя, ветви осин скребли по крыше.

«Мы едем не спасать мир, — подумал он. — Мы едем спасать мать». Он сам не поверил в эту мысль. Но другой у него не было.

Они подъехали к краю оврага. Граница форта встретила стеной раскалённого ветра. За серой чертой выл июль. Настоящий, липкий от пота и выхлопных газов. Воздух ударил по лёгким, выбивая остатки холода. Асфальт впереди плавился, создавая миражи перевёрнутых деревьев. Чёрный коготь левой руки тихо хрустнул. Терновник на шее Натальи вонзил очередной шип глубже. Брат нажал на газ. Колёса перемахнули через край невидимости, поднимая облако белой пыли, похожей на истолчённые кости. Где-то позади, в мёртвом лесу, раздался первый за три месяца птичий крик. Истощенный вопль сойки, нашедшей свежий труп.

Наталья вздрогнула. Метка дёрнулась. Максим посмотрел в зеркало заднего вида. Ничего. Только мёртвые осины. Но

что-то изменилось. Лес ожил. Не потому, что всё хорошо. Потому что Сквозняк выпустил что-то. И это что-то — за их спиной.

Наталья не обернулась. Не могла. Если обернётся — увидит. Не тварь. Не монстра. Увидит круг. Белый. С пустотой внутри. И поймёт, что они уже внутри него. Что письмо было не приглашением. Что дверь открылась не сейчас. Она была открыта всегда. Они просто шли по коридору, думая, что это дорога.

Метка на шее пульсировала ровно. Спокойно. Как сердце. Как часы. Как отсчёт.

Глава 2. Крик сквозь кому

Писк кардиомонитора сливался с гудением кондиционера. В палате номер восемь было плюс восемнадцать. Холодно. На бледном лбу Елены Фонвизиной выступила густая ледяная испарина. Простыня под ней промокла насквозь, хотя датчики температуры показывали норму. Кома не отпускала тело. Сознание уже горело.

Восемь месяцев. Восемь месяцев её дети продавали схроны отца, чтобы оплатить это существование на грани. Восемь месяцев Наталья чувствовала через метку, как мать медленно уходит. Не умирает. Именно уходит. Как вода сквозь песок.

Медсестра смены, молодая девушка с уставшими глазами, сидела за столом в коридоре, листая журнал. Она привыкла к тишине этой палаты. К монотонному писку аппаратов. К

запаху антисептиков и увядания. Она не замечала, как стены палаты начали едва заметно дрожать. Как воздух стал плотнее. Как тени в углах сгустились.

Тишину разорвал не звук. Это был физический удар. Аппаратура взвыла, зашкаливая по всем частотам. Медсестра вскинулась, пролив остывший кофе. Елена открыла глаза. Зрачки — две чёрные точки, белки налились кровью. Позвоночник выгнуло дугой, швы пижамы затрещали, пятки вцепились в матрас. Рот распахнулся в беззвучном вопле. Звук вырвался наружу только через секунду — низкий, утробный рёв, от которого завибрировали стеклянные полки со шприцами.

На стене, прямо над капельницей, краска начала пузыриться. Сначала — как грибок от сырости, мелкие тёмные точки. Но пузыри росли, лопались, источая запах озона и жжёной проводки. Из-под слоёв побелки проступил рисунок. Не нарисованный. Выжженный. Чёрный папоротник, закрученный спиралью внутрь себя. Листья пульсировали, словно дышали. Обои вокруг рисунка начали тлеть, сворачиваясь в сухие трубочки.

Медсестра вбежала в палату с криком дежурного врача. Она схватила Елену за плечи, пытаясь уложить обратно, но наткнулась руками на корку чёрного льда, покрывшую кожу пациентки. Лёд был обжигающе холодным. Пальцы медсестры мгновенно онемели, покрываясь тонкой коркой инея.

— Не верьте... — прошептала Елена. Голос был чужим,

низким, вибрирующим на частотах, которых не должно быть в человеческом горле. — Он пишет кровью... Белый режет глубже чёрного... Не верьте белому...

Слова оборвались. Елена обмякла, проваливаясь обратно в глубокий транс. Дыхание выровнялось, но стало слишком редким. Монитор пискнул, фиксируя критическое падение давления. Но линия не выпрямилась. Ещё нет.

За семьсот километров от Москвы, на заправке у поворота на Муром, Наталья согнулась пополам, схватившись за шею. Терновник под кожей вспыхнул ослепительной болью. Удар прошёл через позвоночник, как электрический разряд. Мать. Что-то случилось с матерью. Она выпрямилась, тяжело дыша. Максим ничего не заметил — он стоял у машины, глядя в сторону трассы. Наталья спрятала руки в карманы. Чтобы он не видел, как они дрожат.

Врач влетел в палату через минуту. Осмотрел Елену, проверил зрачки, давление. Всё было плохо, но не критично. Не смертельно. Пока не смертельно.

— Психоз на фоне комы, — сказал он медсестре, хотя сам не верил в свои слова. — Галлюцинации. Стресс. Бывает.

Он не смотрел на стену. Не видел чёрного папоротника. Точнее, видел, но мозг отказывался обрабатывать увиденное. Краска пульсировала в такт сердцебиению пациентки. Рисунок, выжженный в штукатурке, не поддавался логическому объяснению. Но признать это — значит признать, что мир не такой, каким он его знал. Проще было списать на

психоз.

Наутро придёт маляр. Нанесёт три слоя эмульсии цвета «топлёное молоко». К вечеру чёрный папоротник прорастёт сквозь свежую краску, разорвав её ровными, идеально симметричными лепестками. Символ Чернобога требовал места. Запретное знание проросло сквозь бетон девятиэтажки.

Они заправлялись на ВР у поворота на Муром. Пекло плавило асфальт парковки. Пикап Sollers ST8 тяжело осел на задние рессоры под весом полных баков. Пахло дизелем, нагретой резиной и хлоркой из придорожного туалета. Ослепительная нормальность этого места была почти невыносима после палаты матери и мёртвого леса заимки.

На заправке былолюдно. Дальнобойщики. Семья с детьми. Пара мотоциклистов в кожаных куртках. Все они жили обычной жизнью. Не знали о Сквозняке. Не знали о Нави. Не знали о богах. Они просто жили. И это было самое страшное. Наталья смотрела на них. Семья у фуры. Мотоциклисты. Дальнобойщики с минералкой. Все они жили. Не знали. И это было страшнее любого монстра.

— Я быстро, — бросила Наталья, соскакивая на землю. Ей нужно было замкнутое пространство. Стены давили меньше, чем открытое небо, в котором больше не было птиц. Туалет встретил её гулким эхом кафеля и едким запахом дешёвого освежителя воздуха. Она заперла пластиковую кабинку, опустила крышку унитаза и села, обхватив колени. Терновник на шее пылал огнём. Боль стала фоновой, привычной,

как шум крови в ушах, но сейчас она усилилась до тошноты. Метка реагировала на близость Сквозняка.

Наталья подняла голову. Прямо напротив неё, на внутренней стороне двери кабинки, кто-то выцарапал ножом круг. Но этот кто-то ушёл на середине работы. Рисунок был свежий — белая гипсовая пыль ещё сыпалась на резиновый коврик. Идеальный белый круг. И абсолютная пустота внутри него. Никакого солнца, никаких лучей. Просто выжженная, слепая воронка.

Знак Белобога.

Метка на шее дёрнулась. Не как обычно — глубже, словно внутри позвоночника провернули ключ. Она узнала этот знак. Не глазами. Весом. Тем самым весом, который чувствовала, когда думала о письме. Белый круг не звал. Не угрожал. Он висел в воздухе, как приоткрытая дверь, за которой темно. Наталья знала: если войти, обратной дороги не будет. Как яма, выкопанная точно по твоему размеру. Хлысты рисовали бы перевёрнутые руны или кровавые спирали. Этот знак был хирургически чистым, математически точным. Он означал проход. Открытую дверь туда, куда идти нельзя. Она провела пальцем по пыли. Гипс оказался ледяным.

Выйдя на улицу, Наталья замедлила шаг возле фуры с татарскими номерами. Водитель и его напарник сидели на ступеньках кабины, передавая друг другу бутылку тёплой минералки. От них пахло потом, соляжкой и безумием. Речь даль-

нобойщиков звучала странно — слова растягивались, гласные превращались в долгий, вибрирующий вой, похожий на помехи в радиоприёмнике.

— ...не берёт, говорю тебе. Ни рация, ни телефон. Как стена, — тянул один, глядя перед собой остекленевшими глазами. Зрачки смотрели в разные стороны. — Глохнет всё. Карбюраторы кипят, инжекторы мёртвые стоят. А гуси... Гуси встали посреди дороги, Максютя, и смотрят. Молча. Сотня гусей. Ждут чего-то. У Петровича крышу снесло. Вышел покурить и пропал. Три часа искали. Нашли в силосной яме. Сидит голый, улыбается, а во рту земли килограмм пять. Жуёт и нахваливает...

— Какая деревня? — хрипло спросила Наталья. Дрожь в голосе была контролируемой, профессиональной. Она умела быть серой мышью.

Водитель перевёл на неё расфокусированный взгляд. Зрачки медленно, с натугой сошлись к переносице.

— Липовка. За поворотом. Там, где столб кривой. Только не ходи туда, девка. Там тишина неправильная. Машины сами паркуются. Сами моргают фарами. Азбука Морзе. SOS стучат. А отвечать некому.

— А что там?

— Полуденница, — выдохнул второй водитель. — Баба из пара. В полдень выходит. Мужики наши пошли покосы проверять. Трое. Нашли их в поле. Стекланные. Кожа целая, а внутри — варёные. Жатва.

Полуденница. Наталья знала это имя — дух перегретого воздуха, мелкая нежить из учебников отца. Но то, что описывали дальнбойщики, мелкой нежитью не пахло. Сквозняк сорвал её с цепи и накормил.

Максим стоял у водительской двери, опираясь спиной о горячий металл. Левая рука висела вдоль бедра, ловя солнце чёрным стеклом. Он слышал обрывки разговора сестры. Лицо, покрытое дорожной пылью, оставалось непроницаемой маской практика. Но внутри всё кипело. Мать в Москве выдаёт пророчества температурой плавления бетона. А они застряли на заправке в семистах километрах от неё, слушая бредни перегретых водил. Очередная глухая деревня с сектантами — гарантированная смерть. Рука тяжелила плечо, напоминая о бесполезности в ближнем бою.

Наталья подошла к нему. Встала так, чтобы закрыть собой солнце.

— В Липовку, — сказала она просто.

— Нет, — Максим даже не повернул головы. Голос прозвучал глухо, вибрации вязли в жарком воздухе. — Наташа, посмотри на мою руку. Посмотри на свою шею. Мы еле ушли из форта. Мать кричит на всю Москву знаками Чернобога. Нам нужны антибиотики, бинты и укрытие. Мы не скорая помощь для деревни сумасшедших. Аркадий учил нас проходить мимо.

— Аркадий бы помог, — тихо ответила сестра.

Удар ниже пояса. Чистый яд. Упоминание отца всегда ло-

мало Максима, потому что отец никогда не проходил мимо. Максим сжал зубы так, что желваки заходили ходуном. Посмотрел на сестру сверху вниз. Наталья смотрела на брата снизу вверх. Лицо — белое, скулы обтянуты. Она не моргала.

— Ты манипулируешь мной.

— Да, — кивнула она. — Потому что знаки ведут туда. Белобог открыл дверь. Если мы не войдём, он найдёт другой инструмент. Нас найдут.

Максим хотел ответить. Хотел сказать, что они не инструменты. Что они люди. Но слова застряли в горле. Потому что он знал. Она права. Он чувствовал это каждой клеткой. Он просто боялся признать. Боялся, что если они поедут в эту деревню, то не вернутся. И тогда мать умрёт одна. Без них. В палате, подключённая к аппаратам, которые они оплачивают продажей отцовских схронов. Он боялся, что не успеет. Боялся, что уже не успел. И это было самым страшным. Не монстры. Не Сквозняк. Не боги. А то, что он может не успеть сказать матери, что любит её. Левая рука дёрнулась вверх. Не по его воле. Мышцы предплечья, давно атрофированные и заменённые стеклом Нави, сократились самостоятельно. Чёрная корка поползла выше, охватывая бицепс. Стекланные грани впились в живую плоть плеча, разрывая рукав термофутболки. Боли не было. Но пришло другое ощущение — чудовищное, инородное давление. Рука превратилась в свинцовую чушку. Воздух вокруг кисти пошёл рябью, искажая перспективу. Хаос Чернобога сопротивлялся поряд-

ку Аркадия. Каждый раз, когда Максим соглашался играть по правилам иррационального мира, стекло брало плату ростом. Теперь локоть стал монолитом. Ещё одна такая сделка, и ключи зажигания придётся поворачивать зубами.

Он молча обошёл капот. Сел за руль. Суховей ударил в лобовое стекло, поднимая с обочины мелкую жёлтую пыль. Кондиционер захлёбывался, гоняя горячий воздух. Максим вставил ключ. Металл обжёг пальцы. Повернул. Двигатель Sollers ST8 кашлянул сизым дымом и завёлся. Максим крутанул руль одной правой, выворачивая колёса со стоянки. Резина взвизгнула по плавящемуся битуму. Они пропустили съезд на федеральную трассу. Вместо этого широкие внедорожные шины съехали на разбитый проселок. Дорога вела к кривому столбу, замершим гусям и человеку, жующему землю с улыбкой идиота.

Тишина Липовки звала их.

Наталья смотрела в боковое зеркало. За ними оставалась заправка. Люди. Жизнь. В зеркале отражался белый круг. Он висел в воздухе, прямо над съездом на трассу. Никто, кроме неё, его не видел. Круг не звал. Не угрожал. Он просто был. Как дверь, которую открыли заранее. Как место, которое оставили для тебя.

Метка на шее пульсировала ровно. Спокойно. Как сердце. Как часы. Как отсчёт.

Глава 3. Полуденная жатва

Липовка встретила их запахом гудрона и отчаяния. Пикап

Sollers ST8 перевалился через последнюю колдобину проселка и выкатился на центральную улицу, заросшую лебедой по пояс.

Деревня выглядела живой только снаружи: куры в пыли, застиранное бельё на веревках, металлическое бряканье кося где-то вдалеке. Но тишина была плотной, осязаемой. Она давила на перепонки сильнее, чем гул Сквозняка в мёртвом лесу.

На въезде, у кривого столба с табличкой «Липовка», Максим притормозил. Прямо на столбе, поверх старой краски, был выжжен белый круг. Идеальный. С абсолютной пустотой внутри. Знак Белобога. Края ещё не потемнели от пыли — появился недавно.

Наталья смотрела на него, не отрываясь. Метка на шее пульсировала в такт биению знака. Не как обычно — глубже. Она уже видела этот круг. В письме. В туалете на заправке. Теперь здесь. Белобог не просто оставлял знаки — он вёл их. Как пастух ведёт стадо. Как охотник ведёт дичь.

— Он ведёт, — тихо сказала она. — Прямо в деревню.

— Или загоняет, — отрезал Максим, вдавливая педаль газа. — В петлю. Как Можжевик.

— Можжевик был хаосом. Белобог — порядок. Он не путает дорогу. Он её прокладывает.

Максим ничего не ответил. Плечи напряглись. Он не верил Белобогу. И правильно делал. Но выбора не было.

Староста нашёлся у правления — толстый мужик в се-

мейных трусах и резиновых сапогах. Сидел на перевёрнутом ведре под жестяным навесом, пил тёплую водку из горла, проливая на седую грудь. На машину он не обернулся. Глаза красные, воспалённые. Смотрели сквозь.

— В поле они, — буркнул вместо приветствия. — Проверяют покосы. Там теперь проверять нечего.

— Кто проверяет? — Максим выбрался из-за руля. Правая рука легла на топор за поясом. Левая, стеклянная, осталась висеть плетью. Чёрная корка блеснула на солнце.

— Мужики наши, — староста повернул голову. Пахнуло перегаром и гнилыми зубами. — Только днём туда не суйтесь. С полудня до трёх там жатва. Полуденница гуляет.

— Полуденница? — Наталья присела на корточки, чтобы быть на уровне глаз. — Это дух? Из фольклора?

Староста усмехнулся. Зубы жёлтые, кривые, с чёрными щербинами.

— Фольклор, — повторил он, смакуя слово. — Ты, девка, начитанная. Скажи мне, фольклор может сварить человека изнутри, не тронув кожу? Выпить всю воду из тела, оставив сухую корку? Трое. Трое мужиков. Пошли в полдень. Нашли их. Стеклянные. Кожа целая, а внутри пустота. Как будто выварили.

Максим сжал рукоять топора. Его рациональный мозг уже строил схемы. Обезвоживание. Химическое отравление. Что-то, что может вытянуть влагу из тела за секунды. Он не верил в духов. Но он верил в Сквозняк. И в то, что Сквозняк

делает с реальностью.

— Где они? — спросил Максим.

— В поле. Трое. Наши мужики. Пошли в полдень проверять покосы — и остались там. Стеклянные.

Он допил водку, швырнул бутылку в кусты и устался на Максима. В его глазах не было ни страха, ни надежды. Только тупая, животная усталость. Он видел слишком много. И уже не верил, что кто-то может это остановить.

Они оставили Наталью говорить со старухами у колодца — те сидели рядом, словно вороны на жердочке, синхронно поворачивая головы вслед проходящим. Максим слышал обрывки их разговора. Что-то про «порчу», про «глаз дурной», про бабу, которую муж в колодец толкнул. Он не вслушивался. Он шёл к полю. К месту, где зелёная трава обрывалась выжженной границей.

Земля закончилась внезапно. Зелёная, влажная трава оборвалась чёткой, выжженной границей. Дальше начинался клин мёртвой земли. Почва спеклась в чёрное глянцевое стекло. Под ногами оно хрустело не как песок, а как тонкий фарфор. Каждый шаг отдавался звонким щелчком.

Максим присел, провёл перчаткой по поверхности. Перчатка осталась чистой — ни пылинки. Стекло было минусовым. Когда Макс прижал ладонь, кожа примерзла. Пришлось дёргать, оставляя на глянце клочки эпидермиса.

А вокруг стояло зелёное, сочное лето. Над полем воздух не дрожал — кипел. Бесцветные языки прозрачного пламени

лизали небо на высоте человеческого роста. Запах — озон после удара молнии и сухая полынь, сожжённая заживо.

— Химикаты? — хрипло спросил Максим, хотя сам понимал абсурдность вопроса. Ни одна агрохимия не морозит землю до состояния жидкого азота посреди июля.

Наталья не ответила. Смотрела на горизонт. Метка пульсировала в такт невидимому сердцебиению поля. Боль предельная. Но если она покажет слабость сейчас, брат закроется рационализмом окончательно.

— Это не химия, — сказала она наконец. Голос глухой, словно из-под толщи воды. — Это голод. Настоящий. Первобытный. Полуденница не убивает. Она жнёт. Как крестьянка. Собирает урожай.

Максим посмотрел на сестру. На её лице не было страха. Было что-то другое. Понимание. Метка Мары давала ей видеть то, что скрыто от глаз практика. Она чувствовала это поле. Чувствовала, как оно дышит. Как оно хочет есть.

Трупы лежали ровной линией вдоль старой межи. Трое местных мужиков в выцветших камуфляжных куртках. Лица спокойные, почти умиротворенные. Никаких следов борьбы, крови или рваных ран. Максим надел латексные перчатки — правая натянулась легко, левая треснула по линии черного стекла, намертво приклеившись к броне Ичетика. Он заставил себя ощупать шею ближайшего покойника. Кожа была теплой, почти горячей от солнца, но плоть под ней ощущалась твердой и холодной, как застывший гипс.

— Их сварили изнутри, — констатировала Наталья, обходя тела по дуге. — При ста градусах сворачивается белок. Кровь вскипает в капиллярах. Но эпидермис цел. Нет ожогов третьей степени. Это физика невозможного.

Она подняла взгляд. Воздух над телами сгустился. Очертания дальнего леса поплыли, превращаясь в шевелящуюся массу. Высокая женщина стояла в десяти метрах. Соткана не из материи, а из самого воздуха — горячего, тяжёлого, перенасыщенного влагой. Мокрый крестьянский сарафан облеплял тело, с которого ручьями стекала вода. Но вода испарялась, не долетая до раскалённой земли, превращаясь в густой пар. Лицо — страшной красотой утопленницы. Бледная кожа, синие губы. Глаз не было. На их месте зияли два провала, заполненных чистым небом.

Полуденница сделала шаг. Звук — словно разорвали пополам мокрую простыню. Пространство схлопнулось и развернулось снова уже на пять метров ближе. Она двигалась рывками, игнорируя инерцию и гравитацию.

Наталья почувствовала, как горло сдавило невидимой удавкой. Метка среагировала на стихию огня и смерти одновременно. Дыхание перехватило. Перед глазами поплыли чёрные круги. Она видела этот дух в учебниках отца — мелкая нежить, наказывающая за сон в поле. Мелкая нежить из учебников отца. Но Сквозняк накормил её досыта.

Мара внутри неё шевельнулась. Не проснулась. Именно шевельнулась. Как спящий зверь, почуявший запах крови.

Терновник налился чернотой. По позвоночнику прокатилась волна чужого, древнего холода. Мара хотела выйти. Хотела забрать этот дух. Сделать его своим. Наталья сжала зубы, удерживая контроль. Не сейчас. Не здесь. Если Мара выйдет сейчас, она не остановится. Сожрёт и духа, и деревню, и, может быть, Максима.

Она не сказала об этом брату. Не могла. Он и так держался на честном слове. Если он узнает, что Мара хочет выйти — он попытается её остановить. А останавливать Мару нельзя. Её можно только сдерживать. Пока хватает сил.

Они бежали обратно к деревне, проваливаясь в стеклянную почву. Максим тащил сестру за воротник правой рукой. Холод его левой ладони стал абсолютным. Когда порыв ветра ударил ему в лицо, бровь и ресницы Макса покрылись толстой коркой инея. Жар поля и холод Нави внутри него боролись, разрывая сосуды в глазу. Мир справа окрасился в багровые тона боли.

Они бежали обратно к деревне, проваливаясь в стеклянную почву. Полуденница не преследовала — её время ещё не пришло. Полдень кончился, пар сгустился и осел, фигура растаяла в мареве. Они выбрались на живую траву, падая в лопухи, хватая ртом воздух. Максим первым поднялся и пошёл в деревню — не к старосте, а к первому дому с дымом из трубы.

В доме убитого мужа Полуденницы пахло пылью, старым деревом и бедой. Скрип разошедшегося паркета звучал оглу-

шительно в повисшей тишине. Соседка рассказала всё быстро, захлебываясь слезами и липовым чаем. Афанасий, хозяин дома, был зверем. Бил жену, держал в черном теле. Три дня назад застукал её улыбающуюся проезжему трактористу. Не стал кричать. Молча взял за ноги и толкнул в старый, пересохший колодец за баней. Колодец засыпали на следующий день, боясь вопросов участкового.

Максим слушал молча. Рациональный мозг строил схему. Если отдать убийцу Полуденнице — просто вывести во двор и оставить — дух успокоится. Справедливость свершится. Но тогда они станут палачами. Грань между охотником и монстром истончится до толщины папиросной бумаги. Аркадий бы этого не одобрил. Система должна решать проблемы инструментами, а не мезтью.

Он достал из рюкзака потрёпанную тетрадь в дерматине. Дневник Аркадия. Страницы, пропитанные потом и оружейным маслом. Нужный ритуал назывался «Цена правосудия». Сложный, энергоёмкий. Требующий жертвы памятью. Максим нашёл страницу. Строчки, написанные отцовским почерком. Ровным, без наклона. Он читал, и в груди что-то сжималось. Отец знал этот ритуал. Отец готовился к нему. Отец оставил его здесь, для них.

Ритуал требовал трёх компонентов. Хлеб. Соль. Кровь. Хлеб — тело. Соль — земля. Кровь — жизнь. Максим отложил дневник. Посмотрел на свои руки. Правая — живая, тёплая. Левая — мёртвая, холодная. Вытащил из рюкзака

буханку чёрного хлеба и пакет с солью. Приготовил нож.

— Я свяжу её, — сказал Максим, глядя на свои колени.
— Ты покажешь ей правду.

Наталья кивнула. Глотать стало чуть легче — терновник понял задачу. Мара внутри неё затихла. Но Наталья знала, она не успокоилась. Она просто ждала. Ждала момента, когда можно будет забрать своё.

Афанасия нашли в сарае. Он пытался спрятаться среди старых ульев, пахнувших медом и смертью. Максим внес его в гостиную одной правой рукой, швырнув на пол, как мешок с картошкой. Убийца скулил, чувствуя кожей исходящий от спутника холод Бездны. Когда Полуденница всплыла в окно, размазав по стеклу свое паровое тело, Максим уже чертил углем круг.

Наталья встала напротив духа. Расстегнула верхние пуговицы куртки, обнажая шипастый бугор на шее.

— Тише, — сказала она. Голос изменился, став глубоким, материнским, древним. Таким голосом Мара баюкает заблудшие души. — Тебе больно. Мы знаем.

Она шагнула внутрь пара. Терновник вспыхнул, выпуская облако чёрных спор. Споры смешались с горячим воздухом фигуры Полуденницы. Ментальный контакт начался. Наталья не показывала ей картинки убийства. Она транслировала чувства. Ревность Афанасия. Страх жены. Темноту колодца. Но главное — она показала духу саму иллюзию. Ребёнок, который прячется под одеяло от грозы. Полуденница мсти-

ла людям, думая, что убивает обидчиков. Но на самом деле она убивала лишь отражения в кривом зеркале Сквозняка. Её ярость была направлена на пустоту.

Дух замер. Пар начал оседать. Женщина посмотрела на рыдающего в углу Афанасия, затем на свои призрачные руки. Осознание пришло волной. Месть потеряла смысл. Осталось только горе. Полуденница открыла рот в беззвучном крике. Фигура начала осыпаться. Сухой серый пепел заполнил комнату, оседая на мебели, на лицах, на чёрной стеклянной руке Максима.

Максим подошёл. В руках — хлеб и соль. Смешал. Добавил несколько капель крови — порез на правой ладони, тонкий, почти незаметный. Рассыпал смесь по полу, очерчивая границу круга. Замыкая печать. Дух остановился. Не мог уйти. И не мог остаться. Завис между мирами.

— Спи, — сказал Максим. — Ты свободна.

Полуденница посмотрела на него. В пустых глазницах мелькнуло что-то. Благодарность? Понимание? Или просто пустота? Она рассыпалась окончательно. Пепел осел. Пар рассеялся. Наталья опустилась на колени. Метка на шее пульсировала тяжело, наливаясь чернотой. Она чувствовала, как что-то уходит. Не боль. Память. Мара забрала своё. Наталья попыталась вспомнить лицо матери — и не смогла. Только контур. Только силуэт. Только пустота там, где должно быть тепло. Она не сказала брату. Не сейчас.

Секунду спустя по железной крыше забарабанило. Снача-

ла мелко, потом тяжелее. Раздался глубокий, утробный рокот грома. Внезапный холодный дождь обрушился на Липовку стеной. Жара отступила. Стеклянная земля начала трескаться от резкого перепада температур, покрываясь сетью белых прожилок.

Максим тяжело привалился к печи. Посмотрел на левую руку. Чёрная броня Ичетика высохла под дождём, стала ещё глаже и блестящей. Теперь стекло доходило до плеча. Сустав локтя исчез, превратившись в монолитный рычаг. Рука больше не болела. Она просто перестала быть частью его тела. Чужой инструмент, прикрученный к плечу ради выживания.

За окном шумел настоящий июльский ливень, смывая пепел справедливости и запах жжёной травы. Цена спасения деревни была уплачена стеклом и чужой болью.

Наталья стояла у окна. Смотрела на дождь. За левым плечом брата, на стеклянной руке, таяли последние капли пепла Полуденницы. Максим не заметил. Он уже не чувствовал эту руку.

Где-то там, за пеленой дождя, за выжженным полем, за мёртвым лесом, Белобог ждал. Он не торопил. Не давил. Он просто ждал — как охотник, который уже расставил все силки и теперь смотрит, куда бежит дичь.

Они ещё не знали, что круг замкнётся. Но чувствовали.

Глава 4. Мокрая печать

Вывеска отеля моргала жёлтым, роняя на мокрый асфальт куски неоновой света. Дождь, накрывший Липовку в фи-

нале жатвы, преследовал их двести километров по трассе, превратив мир за лобовым стеклом в сплошную серую кашу. Они остановились у первого же придорожного комплекса — двухэтажной бетонной коробки с названием «Уют». Пахло сыростью подвала, хлоркой прачечной и пережаренным маслом из столовой.

Администраторша — женщина без возраста с лицом цвета пергамента — молча швырнула ключ с тяжёлым латунным брелоком. Номер был тесным прямоугольником. Запах затхлости въелся даже в пластик выключателей. Кондиционер гудел, как умирающий шмель. Максим рухнул на кровать прямо в одежде. Левая рука легла поверх одеяла стеклянной статуей. Он уснул мгновенно, провалившись в глухую темноту без сновидений.

Наталья заставила себя встать под душ. Горячая вода смывала пепел Полуденницы и дорожную пыль, но вместе с грязью уходило тепло. Метка впитывала энергию быстрее, чем организм успевал её генерировать. Она выключила кран. Посмотрела в мутное зеркало. Отражение ответило чужим взглядом.

Метка изменилась. Чёрные шипы разрослись, сливаясь с кожей в единый рельефный панцирь. Шею стянуло так, что кадык выпирал острым углом. Она открыла рот. Язык стал иссиня-чёрным. Наталья провела пальцами по шее. Кожа холодная. Не ледяная, как у Максима. Но холодная. Как у человека, который долго пролежал на морозе. И под этой кожей

что-то двигалось. Медленно. Ритмично. Как второе сердце.

— Просто духота, — прошептала она отражению, застёгивая воротник до последней пуговицы. — Матрас комками. Аллергия на порошок.

Она не поверила сама себе. Метка растёт. Она это знала. И знала, что если скажет Максиму — он попытается её остановить. Отвезёт в больницу. Бросит охоту. А мать умрёт. Нет. Она не могла ему сказать. Не сейчас.

Она легла на койку, стараясь не касаться брата. Сон пришёл вязкий, тяжёлый. Без образов. Только звук. Едва уловимый скрежет хитина по потолочной плитке. Тараканы. Сотни тысяч лапок царапали армстронг прямо над её лицом.

Наталья открыла глаза. Потолок девственно чист. Но ощущение ползущей по коже грязи осталось. Шёпот проник сквозь стену из соседнего номера — тихий, многоголосый, на языке, которого не существует. Слова складывались в одно требование: «Отдай. Отдай то, что растёт внутри».

Наталья сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Боль отрезвляла. Она повернулась на бок, спиной к брату. Максим лежал неподвижно. Дыхание ровное. Стеклянная рука свесилась с кровати. Во сне он чуть сдвинулся. Мёртвая конечность коснулась плеча сестры сквозь простыню. Ледяной холод Ичетика ударил по нервам. Жар метки отступил на миллиметр. Боль притупилась, сменившись звенящей пустотой облегчения. Наталья замерла, боясь пошевелиться, пока лёд чужой смерти вымораживал лихорадку жизни внутри

неё.

Мара дёрнулась во сне — и Наталья услышала позвоночником тихое, довольное: «Хорошо. Ещё немного. И я возьму своё».

Она лежала так до рассвета. Не спала. Слушала. И ждала.

Утро началось со стука. Не вежливого — тяжёлого, требовательного. На пороге стояла администраторша. За её спиной маячил участковый — молодой парень с красным от недосыпа лицом.

— Ваши документы, — буркнул полицейский, не здороваясь.

— Администратор пропал, — участковый сверял фото в паспорте. — Зинаида Павловна. Ушла в ночную смену. Утром смена пришла — ключей полная коробка, касса на месте, а самой нет. Камеры в коридоре показывают статичную картинку последние шесть часов. Как будто запись зависла.

Максим отвечал на формальные вопросы, чеканя фразы практиковавшегося лжеца. Наталья слушала здание. Тишина коридоров «Уюта» была слишком идеальной. В таких местах всегда должен быть фоновый шум: гул труб, шаги соседей, скрип перекрытий. Здесь стоял вакуум. Плотный, давящий на перепонки. Звук умер.

— Ремонт крыла помните? — спросила она вдруг, глядя на трещину в линолеуме.

Участковый осекся на полуслове.

— Десять лет назад было дело, — нехотя признал коп. — Хотели расширить парковку, пристроили флигель. Гастарбайтеры работали... Экономили на всем. Говорят, одного замуровали. То ли сам упал в опалубку перед заливкой, то ли помогли ради страховки. Сказки всё это.

— Где технические помещения? — перебил его Максим. Рациональный ум практика уже строил схему: отсутствие звука означает либо идеальную звукоизоляцию, либо аномалию плотности воздуха. Учитывая контекст Сквозняка, второй вариант казался более вероятным.

Подвал встретил запахом застоявшейся воды и ржавчины. Под ногами чавкала глина. Трубы покрылись конденсатом — крупные капли срывались вниз. Кап... кап... кап... Звук плыл по коридору, отражаясь от кафельных стен. То слева, то справа. Будто невидимый преследователь ходил кругами, ступая по воде.

Они нашли её за поворотом, у распределительного щитка. Зинаида Павловна сидела на корточках, привалившись спиной к бетонной перегородке. Кожа пергаментная, туго обтягивала череп. Губы потрескались до мяса, обнажив сухую белую плоть. Глазные яблоки запали глубоко в орбиты. Она умерла не от страха. Она умерла от абсолютной, космической жажды. Воздух вокруг трупа был сухим, как в пустыне. Каждый вдох обжигал лёгкие наждачной бумагой.

— Аномальная сушка, — констатировал Максим, опускаясь на колени. Протянул левую руку к лицу администратора,

затем к трубе. — Температура трубы плюс пятьдесят. Влажность ноль. Физика ломается точно.

Он попытался стереть пыль с бетона перчаткой. Рука прошла сквозь серый налёт, не оставив следа. Стекло Ичетика само состояло из мертвого, обезвоженного вещества. Призрак, состоящий из жажды, игнорировал прикосновение своего подобия. Рука стала бесполезной.

Максим сжал правую в кулак. Бессилие. Знакомое чувство. Но теперь оно было другим. Не страх. Злость. На себя. На руку. На то, что он не может защитить сестру так, как должен.

Он посмотрел на Наталью. Она стояла рядом. Смотрела на тело администратора. На высохшую, мумифицированную плоть. И он видел, как метка на её шее пульсирует в такт чему-то глубокому, медленному. Мара внутри неё просыпалась. Не полностью. Но достаточно.

Звук капающей воды изменился. Теперь он шёл не от труб. Изнутри стены, к которой прислонилась жертва. Сухой, ритмичный перестук костяшек по штукатурке. Стена начала трескаться. Не от влаги — от нехватки. Бетон скукоживался, превращаясь в мелкую серую пыль, обнажая старую кирпичную кладку. Из пролома пахнуло раскалённым песком и могильной гнилью.

Фигура выступила медленно, выдавливая собой стройматериал. Сухая крошка, трещины, зияющие пустоты. Одежда гастарбайтера висела на скелете мешком. Самое страшное —

глаза. Два провала, в которых вместо белков пульсировала жажда. Умбра. Заложный покойник строительного типа. Он не нес смерть холодом. Он приносил финал всех жидкостей.

Призрак двинулся к ним. Наталья шагнула вперёд, заслоняя Максима. Метка взорвалась болью. Мара внутри зарычала. Богиня смерти почуяла душу, которая не ушла по закону, а была запечатана в материи насильно. Древняя ярость пробудилась в крови ведьмы.

Чёрные ветви проклюнулись сквозь кожу ключиц Натальи, разрывая куртку. Глаза помутнели, затягиваясь молочной плёнкой. Голос, которым она заговорила, принадлежал не двадцатилетней девушке.

— Ты мешаешь спать, — проскрежетала Наталья-Мара.
— Ты шумишь. Мы заберём тебя. Станешь корнем.

Существо замерло, наклонив голову. Оно учуяло равного. Хищника старше себя. Борьба воле началась. Призрак вытянул руки, пытаясь высушить влагу из глаз ведьмы. Наталья сопротивлялась, удерживая контроль лишь кончиками пальцев. Колени дрожали. Позвоночник изгибался дугой. Если Мара победит окончательно, сестра исчезнет. Останется только сосуд. Наталья чувствовала, как Мара тянет её внутрь. Как холодные пальцы богини смыкаются на сознании. Ещё немного, и она исчезнет. Растворится в древней тьме. Станет частью Мары. Навсегда.

— Наташа! — крикнул Максим.

Она не отреагировала. Тогда он сделал то, чего не делал

никогда. Обратился не к сестре.

— Мать, — сказал он в пустоту, глядя на чёрные ветви, растущие из шеи дочери Аркадия. — Договор. Тебе нужен этот дух. Мне нужно тело сестры. Забери его. Сделай своим стражем в Нави. Но оставь мне её разум.

Воздух дрогнул. Запах озона ударил в нос. Мара услышала. Ветви втянулись обратно под кожу, оставив на ключицах Натальи чёрный костяной узор, уходящий вниз, под воротник. Контроль вернулся. Но цена была зафиксирована.

Наталья рухнула на колени, тяжело дыша. Трясло. По щекам текли слёзы — не от боли, а от отчаяния. Она почти исчезла. Почти. И её спас не кто иной, как брат, который говорил с богиней смерти, как с деловым партнёром.

— Ты... — прохрипела она. — Ты говорил с ней. Как с человеком.

— Она и есть человек, — ответил Максим. Лицо бледное, но голос твёрдый. — Просто очень старый. И очень голодный.

Наталья не сказала ему, что чувствовала. Как Мара улыбалась. Как костяной воротник сжался на миллиметр. Как её собственная жизнь стала платой. За победу. За брата. За всё.

Теперь впереди остался только призрак. Обычная нежить. Максим огляделся. Битое стекло левой руки тускло блесло. Правая сжимала топор. Силовая атака убьёт тварь, но выпустит ярость замурованного. Стена рухнет, погребая их под тоннами бетона. Нужен был замок. Печать.

— Хлеб, — прохрипела Наталья, опираясь на плечо брата. Трясло. Зубы выбивали дробь. — Соль. Жертва покоя.

Максим выхватил из рюкзака остатки пайки. Буханка чёрного хлеба. Каменная соль в пакете.

— Держи его.

Наталья выставила руки ладонями вперёд. Она больше не использовала силу Мары. Только волю живого человека. Смотрела в мёртвые глаза Умбры и транслировала одну мысль: «Ты дома. Растворись».

Максим подошёл вплотную к стене. Не стал рубить. Начал смешивать. Крошил хлеб прямо на бетонный пол, густо сыпал солью. Затем достал нож и полоснул себя по ладони правой. Собственная кровь смешалась с пылью, хлебом и солью. Настоящая жертва. Жизнь взамен посмертия.

— Замурован заживо, — чётко произнёс Максим, глядя в трещины кладки. — Прими дар. Усни в стене. Стань частью фундамента.

Он вдавил окровавленную смесь в самую глубокую щель между кирпичами. Призрак издал звук — не крик, а долгий выдох пересохших лёгких. Фигура потеряла очертания, стекла на пол серой лавиной песка. Пространство вздохнуло. Давление вакуума исчезло. По трубам снова звонко ударила капля воды. Потом ещё одна.

Наталья смотрела на брата. На его окровавленную ладонь. На то, как он смешивал хлеб, соль и кровь. Он не убил. Он погрёб. Он дал духу покой. Впервые за долгое время она уви-

дела в нём не охотника, а человека. Того самого мальчика, который верил отцу. Того, кто ещё способен на жалость. Она не сказала ему, что чувствует. Не могла. Потому что знала: Мара смотрит. И запоминает.

Наталья сидела на полу, привалившись к стене. Когда Максим подбежал, она подняла лицо. На шее, там, где вчера бугрился живой терновник, теперь рос костяной воротник. Чёрная кость плавно перетекала в ключицы, становясь частью анатомии. Метка перестала быть паразитом. Она стала структурой. Бронёй. Ценой победы над собственным богом.

Максим смотрел на сестру. На её шею. На чёрные костяные шипы, которые теперь не просто росли под кожей, а стали частью скелета. Он понимал, что это значит. Мара не ушла. Она не спит. Она вырастает в Наталью. Медленно. Но неотвратно. И однажды, когда воротник сомкнётся на её горле, Наталья исчезнет. Останется только Мара. Богиня смерти в теле его сестры.

— Ты как? — спросил он, помогая ей встать.

— Нормально, — соврала Наталья. — Просто... холодно.

Она спрятала руки в карманы. Чтобы он не видел, как они дрожат. Чтобы он не понял, что она чувствует. Как Мара внутри улыбается. Как костяной воротник медленно, миллиметр за миллиметром, сжимается вокруг горла. Как её собственная жизнь становится платой за победу. Каждый раз. Каждый монстр. Каждая битва. Мара берёт своё. И однажды возьмёт всё.

Они вышли из подвала. Дождь за окнами отеля прекратился. Но лужи на асфальте остались. В каждой луже отражался белый круг. Наталья видела их — десятки, на каждом шагу. Белобог не просто вёл. Он загонял. А она уже не могла сопротивляться — костяной воротник на шее сжался ещё на миллиметр. Они шли туда, куда он хотел. И оба делали вид, что выбрали этот путь сами.

Глава 5. Сахарные кости

Рассвет над трассой пах озоном и плавящимся гудроном. Дождь ушёл, оставив липкую, тяжёлую духоту. Максим вышел первым, катя скрипучую тележку с багажом. Собранный, почти спокойный. Если не считать напряжения у переносицы. Левая рука висела вдоль тела чёрной плетью. Плечи расправлены. Практик принял цену Ичетика как данность.

Он научился жить с этим. Застёгивал ремень одной рукой. Открывал двери. Чистил зубы. Спал на правом боку, чтобы левая не давила на грудь. Он принимал цену без жалоб. Но иногда, по утрам, когда просыпался и видел рядом на подушке чёрную стеклянную кисть, вспоминал декабрь. Подземелья Москвы. Ледяную воду. Коготь, распоровший плоть. И тогда хотелось кричать. Он молчал. Крик ничего не изменил бы.

Наталья вышла следом и замерла на верхней ступени бетонного крыльца отеля. Под правым ботинком асфальт выбелился изнутри. Знак Белобога — прямо на выходе из отеля. Белобог больше не прятал знаки в туалетах и на столбах.

Он поставил печать на пороге.

Вчера он вёл их тайными тропами через знаки в туалетах и полях. Сегодня бог-отступник поставил печать прямо на пути. Это была декларация собственности. Метка проводника. Асфальт вокруг круга исходил жаром, марево поднималось дрожащими столбами. Но сам знак излучал холод склепа. Наталья почувствовала, как подошва кроссовка мгновенно теряет чувствительность. Пульс в шее отозвался болью — терновник дёрнулся, пытаюсь синхронизироваться с геометрией бога света.

Она смотрела на круг. Это не просто знак. Это приглашение. Белобог не указывал путь. Он звал её. Лично. По имени. Она чувствовала это телом.словно бог света протянул руку и коснулся её лица. Холодно. Нежно. Властно.

— Ты уснула? — голос Максима прозвучал глухо. Он уже дошёл до пикапа, открыл дверь. — Грузись. Кондей включу на максимум, иначе сваримся.

Он ничего не видел. Для практика мир оставался материальным: серый бетон, жёлтая разметка, запах выхлопа. Сестра стояла на границе двух реальностей. Холод знака пробирал до костей. Хотелось шагнуть внутрь, встать по центру, закрыть глаза и позволить светлomu богу выжечь из неё остатки человеческого тепла. Станет легко. Больно не будет.

Она уже представляла. Как белый свет входит через кожу, через глаза, через терновник на шее. Как выжигает всё лишнее — страх, боль, усталость. Как она становится чистой. Пу-

стой. Идеальной. Как инструмент. Как проводник. Как оружие в руках бога.

Может, это и есть спасение? Может, Белобог — не враг? Может, он единственный, кто может её спасти от Мары?

Она почти шагнула. Один шаг. И всё закончится.

Но что-то внутри воспротивилось. Не Мара. Мара молчала. Что-то человеческое. Что-то упрямое. Что-то, что не хотело сдаваться.

Она сжала челюсти. Сделала вдох. Намеренно перенесла вес вперёд. Грязный протектор ботинка с хрустом впечатался в центр белого круга, размазывая геометрию по бетону. Она осквернила метку бога.

Белобог промолчал. Но воздух стал плотнее, словно перед штормом. Она чувствовала его взгляд. Где-то за гранью реальности бог света смотрел на неё. Не доволен. Но и не зол. Заинтересован. Как учёный, наблюдающий за мышью. Она отказывалась подчиняться. Это было неожиданно. И, возможно, полезно.

Салон превратился в духовку. Кондиционер захлёбывался, гоняя горячий воздух. Запах пластика смешивался с вонью перегретого асфальта. Они молчали километров двадцать. Напряжение стало физически осязаемым — густой, кислый запах пота и недосыпа. Максим смотрел на дорогу, но челюсть ходила ходуном.

Он думал о том, что произошло в отеле. Как Наталья говорила чужим голосом. Как почти потеряла контроль. Как

скрывает от него. Он не был дураком. Видел её глаза. Видел, как она смотрит на знаки Белобога. Видел, как метка на её шее пульсирует в такт чему-то, чего он не понимал. Она что-то знала. Что-то, чего не говорила ему. И это пугало больше, чем монстры.

— Наташа, — начал он, не отрывая взгляда от зеркала. — Что это было в отеле? Строитель. Твоя шея. Ты говорила голосом, которого у тебя нет. Если мы тащим бомбу замедленного действия, я должен знать правила детонации.

— Я удержала контроль, — отрезала она, глядя в окно. За стеклом пейзаж плыл. Деревья у обочины казались вырезанными из картона. Жара искажала перспективу, превращая реальность в дешёвую театральную постановку. — Он мёртв. Стена стоит. Работа сделана.

— Ты едва не стала ею, — Максим кивнул на её ключицы. Под тканью футболки бугрились чёрные костяные шипы. Они не просто росли — двигались. Медленно, миллиметр за миллиметром, впиваясь глубже в мышечную ткань. — Ты позволила Маре говорить.

— А ты позволил стеклу сожрать руку до плеча! — взорвалась Наталья. Глаза горели сухим, нездоровым огнём. — Не смей читать мне мораль, Макс. Мы оба знаем, что цена растёт каждый день. Моя плата просто заметнее твоей!

Она осеклась. Отвела взгляд к дороге. Ртутный блеск асфальта гипнотизировал. Навязчивый звук заполнил голову — низкий гул крови, текущей по сосудам шеи слишком

близко к костяной броне. Этот шум перекрывал даже рёв мотора.

Она не сказала ему правду. Что Мара говорила с ней. Что богиня предлагала сделку. Что она почти согласилась. Что Мара становится сильнее с каждым днём. Что однажды, возможно, она не сможет остановить её. Она боялась не Мары. Себя. Того, что внутри живёт что-то, что хочет вырваться. Что-то древнее. Что-то голодное. Что-то, что называет себя её именем.

Максим ничего не ответил. Его левая рука легла на рычаг ручного тормоза. Чёрное стекло коснулось металла. Внутри салона раздался тихий треск — ручка начала покрываться толстой коркой инея, хотя датчик температуры на приборной панели показывал плюс тридцать два.

Он чувствовал её ложь. Чувствовал, как она отгораживается от него. Как строит стену. И он ничего не мог сделать. Потому что если он надавит, она закроется окончательно. А если не надавит, она может исчезнуть. Раствориться в Маре. Стать тем, чем он боялся её видеть. Монстром. Богиней. Смертью.

Дорога впереди пошла мелкой рябью. Ямка. Обычная дорожная выбоина, заполненная водой после вчерашнего ливня. Переднее колесо провалилось в неё со звуком лопнувшего арбуза. Машину жёстко тряхнуло. Зубы лязгнули. В момент удара подвеской сознание Натальи оборвалось. Гул крови в ушах достиг крещендо и внезапно сменился абсо-

лютной, звенящей тишиной.

Под ногами не было земли. Только гладкий чёрный лёд, отражающий перевернутое небо без звёзд. Пространство Нави — чистое, стерильное, без горизонта. Воздух пах озоном и сухими листьями. Она стояла посреди пустоты не одна.

Напротив возвышался трон. Не из дерева или камня — из сплетённых чёрных ветвей сухого терновника, которые росли прямо из спины сидящей фигуры. Женщина была идеальной копией Натальи. Тот же рост, тот же разрез глаз, та же линия подбородка. Но кожа незнакомки — из чёрного прозрачного льда, внутри которого замёрзли снежинки. А вместо живой шеи пульсировал костяной воротник.

Морана. Морена. Смерть, примерившая её лицо.

— Мой юный садовник, — голос Мары звучал не извне. Рождался прямо в позвоночнике Натальи, там, где пророс терновник. Шипы под кожей шевельнулись в унисон со словами. — Ты хорошо поливаешь грядки моего брата. Но твой инструмент сломан. Посмотри на него.

Мара махнула рукой, указывая за спину ведьмы. Там, прикованный льдом к земле, стоял Максим. Его левая рука теперь доходила до виска, полностью заменив половину черепа. Чёрное стекло поглотило глаз, превратив лицо в жуткую фарфоровую маску. Брат пытался кричать, но изо рта вырывался только пар. Он был жив, но заперт в собственном гниющем теле, как насекомое в янтаре.

Наталья смотрела на него. На то, во что он превратился.

На то, во что он превратится, если она не остановится. И понимала: Мара не лжёт. Она показывает правду. Ту правду, которую Наталья боялась признать. Максим умирает. Каждый день. Каждый час. Каждую минуту. Стекло пожирает его. Медленно. Но неотвратно. И однажды оно поглотит его целиком.

— Жалкое зрелище, — продолжила Мара, лениво перебирая пальцами сосульки на подлокотниках. — Он умирает ради твоего страха стать чудовищем. Какая пошлая человеческая драма. Я предлагаю сделку. Перестань сопротивляться. Позволь ветвям дойти до мозга. Стань мной. Бессмертие. Никаких синяков, никаких ямок на дорогах, никакого рвущегося сердца. Вечная власть над теньями. А игрушку... брось. Пусть догнивает. Ты найдёшь себе короля лучше. Из настоящей материи.

Искушение ударило под дых. Логичное. Безупречное. Спасти Макса можно было только одним способом — перестать тратить жизненную энергию на поддержание человеческой формы. Если отдать тело Маре целиком, богиня исцелит сосуд. Максим останется один, брошенный, но живой. Разве не этого хочет любой старший брат? Чтобы младшая сестра выжила любой ценой?

Наталья думала о Максиме. Как он учил её чистить завар. Как закрывал собой от Волкодлака. Как отдал руку, чтобы она жила. Он жертвовал собой. Снова и снова. И что она могла дать взамен? Только свою жизнь. Своё тело. Своё

«я». Всё, чем она была. Может, это и есть выход? Может, она просто должна исчезнуть, чтобы он жил? Горло сдавило. Слезы жгли глаза, но замерзли, не успев скатиться. Пали на чёрный лёд звонкими ледышками.

— Я... — прохрипела Наталья. Воля трещала по швам, как тонкий фарфор. — Я согласна. Оставь ему жизнь. Забери всё моё.

Улыбка Мары стала шире. Обнажились зубы, похожие на битое бутылочное стекло. Богиня поднялась с трона, шагнула вперёд, раскрывая объятия из острых шипов...

Хлёсткая боль обожгла левую щёку. Голова мотнулась вбок. Вкус меди и соли наполнил рот. Наталья распахнула глаза. Мир снова был цветным, горячим и тошнотворно-реальным. Руки сжимали руль так, что побелели костяшки. Машина неслась по встречной лоб в лоб навстречу фуре. Водитель сигналил оглушительным рёвом.

Максим перехватил управление правой, крутанув руль на себя. Завизжала резина. Sollers швырнуло вправо, на обочину. Протащило юзом метров десять. Машина замерла, уткнувшись бампером в заросли сухой полыни. Двигатель заглох.

Несколько секунд в салоне стояла тишина. Только стрекот остывающего металла.

— Кошмар приснился, — хрипло сказала Наталья, не глядя на брата. Дышала тяжело, прижимая ладонь к груди. — Следи за дорогой.

Максим молчал. Пальцы, сжимающие руль, тоже побелели. Смотрел на сестру через зеркало долго, изучающе. Он понял, что она лжёт. По тому, как дёрнулся кадык, когда она произносила слово «кошмар». По тому, как отчаянно она пыталась скрыть дрожь пальцев.

— Наташа, — сказал он тихо. — Что ты видела?

— Ничего. Просто кошмар. Жара. Духота.

— Ты говорила во сне. Назвала чьё-то имя. «Мара». Ты сказала: «Я согласна».

Наталя замерла. Она не помнила, что говорила вслух. Но это было логично. Мара говорила через неё. Даже во сне. Богиня не молчала. Она никогда не молчала.

— Я не помню, — соврала Наталя. — Правда. Просто кошмар. Давай забудем.

Максим смотрел на неё ещё несколько секунд. Потом отвернулся. Завёл двигатель. Машина тронулась. Он не поверил ей. Она знала, что он не поверил. Но он не стал давить. Потому что боялся услышать правду. Боялся узнать, что сестра уже не совсем человек. Боялся признать, что теряет её.

Наталя медленно опустила руки на колени. Костяные шипы под кожей сдвинулись выше. Ещё на сантиметр ближе к яремной вене. До мозга оставалось немного.

Она смотрела на дрожащие пальцы. На тонкие царапины от ногтей — следы собственного кулака.

Наталя спрятала руки в карманы. За окном проплывали

столбы, деревья, чужая жизнь. До марийских капищ — ещё ехать и ехать.

Но что-то остановило её. Не сила воли — скорее упрямство. Глупое, человеческое, не знающее, когда нужно сдать-ся. Пока держится. Но надолго ли?

Она спрятала руки в карманы. Чтобы Максим не видел. Чтобы не понял. Чтобы не испугался. Она сама боялась. Себя. Того, что внутри живёт что-то, что хочет вырваться. Боялась, что однажды не сможет остановиться. Боялась стать Марой. Не по своей воле. А потому что не было другого выхода.

Машина ехала по трассе. Мимо проплывали деревья. Мимо проплывали знаки. Мимо проплывала жизнь. Наталья смотрела в окно. Думала о том, что скоро, возможно, она перестанет быть собой. Станет богиней. Станет смертью. И тогда не будет ни Натальи, ни Максима, ни их истории. Будет только Мара. И её вечная зима.

Глава 6. Слепой поводырь

Асфальт плавился. Датчик внешней среды давно сдался, выдавая прочерки. Внутри салона термометр показывал плюс пятьдесят два. Пахло горячим пластиком, озоном и жжёной пылью. Кондиционер умер час назад, издав напоследок скрежет сдохшего вентилятора. Окна были открыты настежь, но встречный ветер не охлаждал — работал как промышленная печь, обжигая слизистую при каждом вдохе.

Максим вёл одной правой. Левая лежала на коленях мёрт-

вым грузом, покрытая чёрным льдом. Раньше холод спасал — вымораживал жар кабины. Теперь ледяное стекло тянуло тепло из его сердца, поддерживая свою структуру за счёт носителя. Грудину сводило тупой, аритмичной болью. Обратный отсчёт. Каждый километр — минус год. Каждый вдох — минус день. Он не знал, сколько осталось. Может, месяц. Может, неделя. Он не говорил об этом Наталье. Она знала. Молчала. Как молчала о своей метке.

Наталья сидела справа, прижавшись виском к горячему стеклу. Терновник под кожей пульсировал в такт перегревающемуся двигателю. Ей казалось, что кости шеи сейчас треснут, выпуская ветви наружу. Глаза слезились от яркого света и солёного пота, который заливал веки, превращая мир в мутное, дрожащее пятно. Она моргнула, фокусируя взгляд на придорожном щите. Выцветшая реклама местной пиццерии. Криво нарисованный лось и надпись: «ДОСТАВКА ДРОВ. ТЕЛ. 2-45».

— Мы здесь уже проезжали, — тихо сказала она.

— Что? — Максим не повернул головы. Его голос был сухим, губы потрескались до крови.

— Щит с лосем. Я видела его три раза. Слева по борту.

Максим стиснул руль. Желваки заходили ходуном. Он промолчал ещё километр. За окном снова появился покосившийся деревянный указатель, прибитый к одинокой сосне. Чёрная краска облупилась, обнажив серое дерево. Стрелка вниз. Надпись: «ЛИПОВКА — 3 КМ». Они выехали из

Липовки утром. Прошло четыре часа. Они должны быть в ста километрах отсюда, приближаясь к Марий Эл.

— Наташа, какого хрена? — рыкнул Максим, выворачивая руль, чтобы объехать колдобину с кипящей грязью. Машину швырнуло. — Ты видишь дорогу?

— Вижу! — огрызнулась она, хватаясь за ручку над дверью. — Руль держи!

— Мы проехали этот щит пять раз! — он ударил ладонью по панели. — Ты водишь меня кругами. Что с твоей шеей? Шипы дошли до горла? Ты нас угробишь!

Удар ниже пояса. Наталья рывком расстегнула верхнюю пуговицу куртки, хотя каждое движение причиняло боль. Повернулась к брату. Лицо бледное, мокрое от пота. Глаза горели лихорадочным безумием.

— Я не вожу тебя кругами! — закричала она. — Мне больно, Макс! Каждый вздох — наждак! Если я закрываю глаза, Мара показывает, как твоя голова превращается в обсидиан! Хочешь правды? Я почти согласилась там, в Нави! Почти продала тебя, чтобы ты просто дышал! Доволен?!

Слово «почти» повисло в раскалённом воздухе. Максим не ответил. Не сразу. Сначала — тишина, в которой было слышно, как потрескивает пластик панели на солнце. Потом он повернулся к сестре. Посмотрел так, как смотрят на человека, которого больше не узнают. Открыл рот. Закрыл. Ударил по тормозам. Педаль ушла в пол. Резина завизжала по гудрону, оставляя чёрный след. Машину занес-

ло. Sollers остановился в полуметре от деревянного указателя. Они молчали. Слышно было только тиканье остывающего двигателя и загнанное дыхание.

Максим хотел ответить. Хотел сказать, что она не могла так поступить. Но слова застряли в горле. Потому что она могла. И он это знал.

Максим распахнул дверь. Волна жара ударила как физическое препятствие. Воздух снаружи был густым, тяжёлым. Он спрыгнул на асфальт. Подошвы ботинок начали плавиться через секунду, прилипая к дороге. Но боли он не почувствовал. Адреналин выжег рецепторы.

Он обошёл капот. Посмотрел на щит. Поднял глаза на лес. Сосновый бор изменился. Пока они спорили, деревья сомкнулись плотнее. Сосны стояли так близко, что между стволами нельзя было просунуть ладонь. Кроны сплелись вверх, создав абсолютный купол. Солнца не стало видно, но жара под куполом только усилилась — парниковый эффект запертого пространства. Запах разогретой смолы стал удушливым.

И тишина. Абсолютная, звенящая. Не пели даже цикады. Лес поглощал звуки, впитывал вибрацию шин и биение сердца.

Максим подошёл к дереву с указателем. Потянулся к коре. Сосна была странного, сизого оттенка. Кора мягкая, пористая. Когда пальцы коснулись дерева, оно издало тихий, влажный чавкающий звук. На стволе, поверх лишайника,

проступал свежий белый знак. Круг с пустотой внутри. Белобог пометил ловушку.

Максим смотрел на знак. Внутри поднималась глухая, холодная ярость. Не на Белобога. На себя. Потому что он знал. Знал, что бог света ведёт их. И всё равно шёл. Потому что выбора не было. Он не сказал Наталье, что видит. Она и так знала. Но он хотел, чтобы она услышала от него. Чтобы поняла: он не слепой. Он просто идёт.

— Это Можжевик, — глухо сказал Максим, возвращаясь к машине. — Лабиринт. Питается злостью и усталостью. Чем больше мы орём друг на друга, тем туже петля.

Он открыл пассажирскую дверь. Наклонился к сестре. Та смотрела невидящим взглядом, тяжело сглатывая. Костяные шипы метки бугрились прямо над ключицей, пробив кожу в двух местах. Тёмные капли спекшейся крови блестели на чёрной кости.

— Наташа, посмотри на меня.

Она подняла голову. Зрачки огромные. Максим протянул левую руку. Чёрный лёд коснулся её плеча. Наталья дёрнулась всем телом, захрипев от смеси ожога и озноба, но сознание прояснилось. Ледяной спазм выбил духоту из лёгких.

— Иллюзия держится на недоверии, — продолжил Макс, глядя ей в глаза. — Сквозняк любит гниль. Мы дали ему пищу. Выход нужно искать не глазами.

Наталья смотрела на брата. На его лицо, покрытое пылью и потом. На его глаза, в которых застыла усталость человека,

который слишком долго держится. Она хотела сказать ему правду. Всю правду. О том, что Мара говорит с ней. О том, что метка растёт. О том, что она почти согласилась. Но она не могла. Потому что если она скажет, он сломается. Он возьмёт всё на себя. Он попытается её спасти. А её нельзя спасти. Её можно только отпустить. Или убить. Но он не сможет. Ни того, ни другого. Потому что он — её брат. А братья не убивают сестёр. Даже когда те становятся монстрами.

Пока Максим стоял у машины, сканируя периметр, Наталья упала на колени. Горячая пыль обожгла ладони сквозь перчатки. Голова кружилась. Метка горела адским огнём. И вдруг сквозь эту боль прорвался другой сигнал. Рваный, заступающий, из-под самой кости.

— Мама? — прошептала она.

Голос Елены шёл резонансом сквозь нервную сеть терновника. Связь рвалась, тонув в статике миров.

[Ш-ш-ш]... Ната...ша... не верь...

Воздух задрожал сильнее.

[Ш-ш-ш]... Он пишет кровью... свои знаки... Белый режет глубже чёрного...

— Чьей кровью, мам? — слёзы смешивались с потом, капая на сухую землю.

[Ш-ш-ш]... Дерево... живое... ищет корень... выход внизу... а не впереди...

И вдруг — образ. Яркий, чёткий, как вспышка. Белобог. Не мужчина в льняных одеждах — существо из белого света

и пустоты. Стоит над распростёртым телом. Проводит рукой по воздуху — и на ткани мира остаётся белый след. Круг. С пустотой внутри. Но вырезан не светом. Кровью жертвы, которая лежала у ног бога.

Наталья закричала. Не от боли. От ужаса. Образ рассыпался пикселями помех. Транс закончился, оставив звон в ушах и чёткое знание: логика не работает. Можжевик — это грибница. Чтобы убить грибницу, нужно бить в корень. Корень леса всегда уходит вниз или внутрь. И ещё одно знание. То, которое она не могла сказать брату. Белобог пишет свои знаки кровью. Кровью тех, кого заводит в петлю. Он — не спаситель. Он — хирург. Они — его скальпели.

Она не сказала ему. Если Макс узнает, что Белобог пишет знаки кровью — он попытается его убить. А Белобога нельзя убить. Наталья уже теряла мать. Брата она не отпустит.

Максим принял решение раньше, чем успел его сформулировать. Логика практика уступила чутью архитектора. Если пространство замкнуто, где-то есть переменная, которую система считает константой. Живое дерево — отличная константа для лесного духа.

— Держись.

Он подошёл к сизой сосне со знаком Белобога. Положил правую ладонь на тёплый, мягкий мох коры. Глубоко вдохнул. С размаху вбил левую руку — стеклянный протез, наполненный силой Нави — прямо в центр ствола.

Раздался звук, похожий на разрыв плотной ткани. Не

треск дерева, а хлопок вакуума. Чёрный лёд вошёл в ствол, игнорируя плотность древесины, как нож входит в масло. Максим зарычал сквозь стиснутые зубы, чувствуя, как миллионы микроскопических игл вонзаются в нервы руки. Он давил хаос в живую материю. Давил смерть в сердце леса.

Пространство взвизгнуло. Купол из крон лопнул с оглушительным звоном разбитого стекла. Сизая кора сосны осыпалась трухой. Дерево выгнулось дугой и рассыпалось в мелкую чёрную пыль, обнажив проход. Прямо за упавшим стволом больше не было непроходимой чащи. Там была обочина федеральной трассы. Серый, скучный, нормальный асфальт. И палящее солнце. Обычное июльское солнце, не пытающееся сварить их заживо. Двигатель *Sollers*, который Максим не глушил, кашлянул и сам поймал обороты.

Когда они выползли на трассу, лежа животами на горячем асфальте обочины, силы оставили обоих. Машина стояла целая, бак полон, словно никакой петли не существовало. Максим приподнялся на локтях правой.левой руки не было. Вообще. Из плеча торчала идеально гладкая, отполированная поверхность чёрного льда, заканчивающаяся чуть выше локтевого сустава. Предплечья не было. Мышцы, кость, кожа — всё осталось внутри можжевельника. Плата за проход.

Он смотрел на обрубок. На идеальную, гладкую поверхность льда. И чувствовал... ничего. Ни боли. Ни холода. Ни сожаления. Только пустоту. Ту самую, которая была внутри его левой руки. Ту самую, которая заполняла его сердце. Он

потерял руку. Но не потерял сестру. Пока не потерял. Это было главное. Пока — главное.

Наталья перевернулась на спину. Боль в шее отступила, сменившись тяжёлой, глухой пульсацией. Посмотрела на брата. Хотела сказать «прости», хотела кричать, просить прощения за ссору. Но слова застряли в горле. Она знала тайну, которую нельзя было открывать. Белобог писал свои знаки не извещью. Он вырезал их на реальности жертвенной кровью тех, кого заводил в петлю. Наталья села, подтянув колени к груди, пряча дрожащие руки. Посмотрела на горизонт. До марийских капищ оставалось меньше сотни километров. Позади — съеденный лес, ссора и ампутированное предплечье брата.

До марийских капищ оставалось меньше сотни километров. Наталья смотрела на обрубок левого плеча брата и думала: он отдал руку, чтобы вырваться из петли. Она отдала правду, чтобы вырваться из неё. Оба заплатили. Оба промолчали о том, что осталось.

Глава 7. Слово против шерсти

Городок встретил их запахом горечи. Воздух был настолько густым от пылицы полыни, что его можно было жевать. Жёлтые облака сорняков пробивали старый асфальт, разрывая бетон корнями толщиной с руку ребёнка. Термометр на приборной панели *Sollers ST8* давно умер, зашкалив за отметку в пятьдесят градусов. Кондиционер превратился в бесполезную пластиковую декорацию. Внутри салона плавился

пластик руля под пальцами Максима.

Городок встретил их запахом горечи. Воздух был настолько густым от пылицы полыни, что его можно было жевать. На въездном столбе — белый круг. Белобог не прятал знаки. Он ставил их на пороге.

Они медленно ползли по главной улице. Скорость не превышала пяти километров в час. Любое резкое движение могло спровоцировать тех, кто бродил вдоль обочин. Люди были здесь. Десятки. Сотни. Но город был мертвее Липовки. Жители не прятались по домам — они танцевали. Посреди проезжей части, прямо поверх разметки, десятка полтора мужчин и женщин водили хоровод вокруг костра из подожжённых автомобильных покрышек. Резина чадила едким сизым дымом, который смешивался с полынной пылью. Танцоры смеялись. Срывали с себя одежду, оставаясь нагими, обожжёнными дочерна солнцем. Их лица были красными, как сырое мясо, рты раскрыты в беззвучном экстазе. Они выпивали друг друга безумием, которое сочилось сквозь Сквозняк. Чернобог пришёл сюда не убивать. Он принёс первобытную свободу распада.

Максим вёл машину сквозь этот морок, стиснув зубы. Левый обрубок лежал на коленях. Ледяная броня Ичетика пыталась выполнить свою базовую функцию — забрать избыточное тепло. Но жара снаружи была запредельной. Физический предел материи. Холод стекла столкнулся с жаром пустыни. Макс чувствовал, как внутри протеза начинают ло-

паться невидимые микрососуды искусственного холода. По чёрной поверхности пошли глубокие трещины, похожие на высохшее дно Аральского моря. Плоть под стеклом начала гореть тупой, фантомной болью. Рука умирала, пытаясь спасти тело носителя. И с каждым метром, с каждым градусом, с каждой минутой она умирала всё быстрее. Максим чувствовал, как тепло уходит из его тела. Как сердце бьётся медленнее. Как жизнь вытекает сквозь трещины в чёрном стекле. Он не говорил об этом Наталье. Она и так знала. Просто молчала.

Наталья смотрела прямо перед собой. Её губы посинели от внутреннего озноба терновника, контрастируя с багровым безумием улицы. Она видела больше, чем брат. В витрине закрытого сельпо, среди осколков стекла, лежал местный участковый. Его глаза вытекли, но из правой глазницы, пронзив орбиту, пророс чёрный стебель папоротника. Цветок распустился прямо в черепе, пульсируя тёмным светом в такт бьющимся сердцам танцующих. Знак Чернобога цвёл смертью. Наталья смотрела на цветок и чувствовала, как метка на её шее отзывается. Как терновник тянется к папоротнику. Как Мара внутри неё узнаёт родственную силу. Она отвернулась. Стиснула зубы так, что скулы побелели.

Тень упала на салон внезапно, перекрыв тусклый свет марева. Наталья успела заметить её краем глаза — что-то огромное, движущееся не по-человечески, скользящее между танцующими. Тень. Гость из другого мира. Звук рвущей-

гося металла ударил по ушам сильнее взрыва. Старая ржавая крыша припаркованной рядом «Волги» прогнулась внутрь, сминаясь гармошкой. Что-то огромное проломило металл, пролетело над капотом пикапа и приземлилось точно посреди перекрёстка, подняв облако жёлтой пыли.

Волкодлак. Но это был не просто оборотень-одиночка из лесов первой книги. Это была аватара чистой ярости. Под три метра ростом, сгорбленный, покрытый свалывшейся шерстью цвета мокрого пепла. Морда вытянулась в собачью пасть, с чёрных клыков капала желтоватая слюна, мгновенно испаряясь на раскалённом асфальте. От твари пахло озоном, псиной и могильной гнилью. И ещё чем-то. Знакомым. Наталья принялась. Порох. Дешёвый одеколон. И что-то ещё. Что-то, что она не могла назвать. Запах дома. Запах детства. Запах человека, который когда-то держал её на руках.

Оно прыгнуло. Не на машину — на них. Прямо в открытый бок со стороны водителя. Максим среагировал быстрее мысли. Он не успел перехватить руль. Он подставил левую руку. Удар трёхсоткилограммовой туши пришёлся точно в чёрный лёд. Раздался хруст, похожий на звук перемалываемого гранита. Руку отбросило назад, плечо вывихнулось с сухим щелчком. Волкодлак впечатался в стойку двери, проминая сталь. Максим вылетел из кресла, повиснув на ремне безопасности. Стекланный протез разлетелся вдребезги. Миллионы острых чёрных игл вонзились в лицо и грудь Макса, рассекая кожу до мяса. Вместо руки ниже локтя теперь тор-

чал лишь зазубренный обломок чёрного льда, впившийся в нервные узлы. Боль наконец догнала практика, выбив воздух из лёгких.

Тварь взревела и бросилась на пассажирскую дверь. Замок выдержал секунду. Металл застонал. Наталья успела отстегнуть ремень и упереться ногами в торпедо. Когда Волкодлак просунул огромную башку внутрь салона, класнув зубами в сантиметре от её горла, она ударила его обеими руками в нос. Зверь мотнул головой. Серебряная цепочка с крестиком на шее Натальи выскользнула из-под футболки. Тварь сомкнула челюсти на металле. Раздалось шипение, как от утюга. Серебро раскалилось докрасна за долю секунды, обжигая кожу девушки, но удерживая пасть монстра на расстоянии. Запахло палёным волосом и горящим мясом.

Пули не помогут. Эта мысль пришла одновременно обоим. Максим, кашляя кровью из пробитых осколками лёгких, потянулся к бардачку. Достал табельный ПМ отца. Три выстрела в упор вошли в череп Волкодлака. Пули калибра 9 мм просто исчезли в густой шерсти. Одна сплющилась о кость и горячим свинцом стекла по морде зверя, выжигая борозды, которые затянулись на глазах. Физика умерла.

Мир сузился до красной пелены боли. Максим понимал: если он потеряет сознание сейчас, сестру съедят заживо. Он собрал остатки сил. Упёрся босыми ногами в педаль тормоза (ботинки слетели при ударе). Правой рукой, действуя скорее инстинктом, чем зрением, он воткнул ключ зажигания

обратно. Двигатель взревел. Он бросил сцепление. Машина дёрнулась вперёд, врезаясь бампером в задние лапы твари. Волкодлак взвизгнул, разжимая хватку на серебре. Его отбросило на капот. Максим переключил передачу. *Sollers* рванул вперёд, тараня зверя в сторону кирпичной стены магазина.

— Держись! — прохрипел он.

Удар сотряс кости. Капот сложился. Волкодлак впечатался в стену, забрызгав кирпич собственной кровью и слизью. Но он не сдох. Он начал вставать, выламывая куски кладки плечами.

Внутри оглохшей от криков и визга тормозов головы Натальи вдруг стало тихо. Боль ушла. Остался только белый шум. А затем — голос. Елена больше не шептала сквозь помехи комы. Мать кричала чистым потоком сознания, прорываясь сквозь саму ткань реальности. Связь рвалась, тонув в статике миров, но всё ещё держалась. Тонкая нить между жизнью и смертью.

[КРИК]... Истинное имя... Скажи громко... Против шерсти... Слово режет истину... [ПОМЕХИ] ...Не современное... Старое... Буква Ять...

Линия кардиограммы в Москве дрогнула. Пошла рябью. Помехи. Сигнал слабеет, но не обрывается. Ещё не время. Ещё есть время. Совсем немного. Но есть.

[Ш-ш-ш]... Белый режет глубже чёрного... не верь ему... он пишет кровью... [ПОМЕХИ]...

Наталья открыла глаза. Время замедлилось. Она посмотрела на Волкодлака. На его загривке, там, где шерсть свалилась в грязные сосульки, блестел металл. Старый армейский жетон, зацепившийся за шкуру ещё в прошлой жизни существа. Гравировка стёрта временем, но форма букв осталась узнаваемой. Древняя кириллица. Имя, данное при крещении или инициации, а не уличная кличка. То, чем существо было до того, как стало зверем.

Она вспомнила. Дневник отца. Запись о друге. О человеке, который ушёл в лес и не вернулся. О человеке, которого Аркадий искал много лет. О человеке, которого он считал погибшим. Волкодлак. Друг отца. Тот, кто учил Максима стрелять. Тот, кто дарил Наталье конфеты. Тот, кто был частью их семьи. До того, как стал зверем.

Наталья вышла из машины. Ноги дрожали. Терновник на шее остыл, превратившись в мёртвый камень. Волкодлак развернулся. Из пасти капала дымящаяся слюна. Он выбрал новую цель — лёгкую добычу. Наталья шагнула навстречу. Сделала ложный выпад вправо, заставляя тварь перенести вес на переднюю лапу. И когда Волкодлак замахнулся, чтобы снести ей голову одним ударом, она нырнула под него. Человеческое колено с силой ударило точно в поясницу зверя, туда, где у людей находятся почки. Хребет монстра выгнулся под невозможным углом. Тварь рухнула на брюхо, пропахав мордой горячий асфальт.

Наталья оседлала её спину. Одной рукой схватила ниж-

ную челюсть Волкодлака, чувствуя, как крошатся огромные клыки под давлением пальцев. Другой — зафиксировала верхнюю. Она давила, используя вес всего тела, ломая сустав. Пасть раскрылась с влажным треском сухожилий. Сморд из глотки едва не вывернул желудок наизнанку.

— Говори! — прошипела сестра в самое ухо умирающей твари. — Назови мне своё первое слово!

Она увидела буквы на жетоне. Сложила их в голове. Древнее написание. Огласовка, которой нет уже двести лет. Полное имя. Набрала в лёгкие воздуха, горячего, горького от пыли. И закричала.

Это не был крик ужаса. Это был акустический удар. Звук такой частоты и плотности, что лобовое стекло *Sollers*, чудом державшееся после аварии, осыпалось внутрь салона мелким крошечком. Череп Волкодлака не выдержал резонанса. Глазные яблоки лопнули, брызнув гноем. Шерсть на загривке встала дыбом и вспыхнула синим пламенем. Монстр замер. Из пасти вместо рыка вырвался тихий свист выходящего воздуха. Первобытная ярость покинула форму. Без имени оболочка стала пустотой.

Волкодлак рассыпался. Не растаял, не испарился. Он осел кучей мокрой, гнилой шерсти, старой одежды и праха, словно из него вынули скелет, скреплявший гниль воедино. И в этой куче, среди праха и гнили, блеснул металл. Жетон. Уже не на шкуре. На ладони. Человеческой ладони. Той, что осталась от того, кем был Волкодлак до того, как стать зве-

рем. Наталья сжала жетон в кулаке. Металл был тёплым. Как будто его только что держал живой человек. Как будто друг отца благодарил её за освобождение.

Наступила тишина. Абсолютная, звенящая. Музыка безумия выключилась. Танцующие на площади люди начали падать, засыпая глубоким сном истощения. Жара никуда не делась, но дышать стало чуть легче. Наталья стояла на четвереньках посреди перекрёстка. Ладони были чёрными от пота и запёкшейся крови. Из левого уха тонкой струйкой текла кровь — барабанные перепонки не выдержали собственного голоса. Она больше не слышала левым ухом. Никогда. Это останется с ней навсегда. Ещё одна цена. Ещё один шаг к тому, чтобы стать монстром.

Она обернулась к машине. Максим сидел, завалившись на бок. Ремень безопасности вдавился в шею. Грудь не двигалась. Осколки чёрного льда всё ещё торчали из его плеча и груди, как экзотические цветы смерти. Рядом с ним, на сиденье, лежала ампутированная левая рука — идеальный слепок, замерзший навсегда. Цена слова оказалась равной цене жизни.

Наталья смотрела на брата. На его неподвижное тело. На осколки льда в его груди. На руку, которая когда-то держала её за руку, когда они были детьми. Она хотела закричать. Хотела заплакать. Хотела упасть рядом и умереть. Но не могла.

Она подползла к машине. Дрожащими руками нащупала шею брата. Пульс. Слабый. Но есть. Она прижалась лбом к

его холодной щеке. Сердце билось — его, её, и где-то далеко в Москве, третье. Рваное, затухающее. Нить, которая ещё держалась. Пока держалась.

Глава 8. Купальская ночь

Марийские рощи поглотили остатки дороги без следа. Земля сменилась пружинящим ковром из мха, который издавал тихий чавкающий звук при каждом шаге, выпуская облачка спор. Воздух здесь был густым, тяжёлым и абсолютно неподвижным. Ни ветерка. Температура упала резко — с сорока пяти градусов жары до минус десяти. Дыхание вырывалось изо рта плотными белыми клубами, мгновенно оседая инеем на бровях. Холод шёл не от земли. Он сочился прямо из центра поляны, куда вели их истоптанные звериные тропы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.